

Павел Клевцов

Ксюха

Павел КЛЕВЦОВ

Ксюха

«Автор»

2024

Клевцов П.

Ксюха / П. Клевцов — «Автор», 2024

Невинная попытка приобщения провинциальных дам к природе завершается взрывной реакцией на культуру. Киномеханик ошарашен, но спасается противоядием. Продолжение следует...

© Клевцов П., 2024

© Автор, 2024

Павел Клевцов

Ксюха

Ксюха.

«Настоящая женщина должна спилить дерево, разрушить дом и вырастить дочь».

Ксюха, симпатичная в юности, крупная девица после выхода замуж и рождения ребёнка расплывшаяся в формах (“Зачем мне талия? Я замужем теперь!”), но в силу породы всё ещё сексапильная дама, недолго мелькала в поле моего зрения. Разумно циничная и практичная, умеренно хамоватая и простоватая деревенская баба просто присутствовала в силу бытовых причин в том же месте, где несколько раз вынужденно присутствовал и я. Мой интерес к этой леди не поднимался выше кобелиного и, если бы дело происходило в пустынной сельской местности, я бы уложил её на что-нибудь мягкое или поставил в удобное положение и преуспел в деле скором без ненужных рассуждений, благо недвусмысленных сигналов поступало предостаточно. Но выстраивание сложных комбинаций с учётом затрат времени на обеспечение алиби и на перерывы в работе в разгар сезона ради благотворительного разового любительского спектакля в одном действии меня не улыбало, поэтому я никак не поддерживал инициативы. Хотя... Однажды заехал, как договаривались, утром в выходной за Серёгой, напарником по работе, как говорится по делам, но у того опять возникли какие-то семейные обязанности и я с раздражением согласился на попозже. Ксюха (я плохо разбираюсь в народных званиях: кто там кому приходится сватом, деверем, золовкой, снохой – для меня тёмный лес, а Ксения была женой Лёхи, сводного брата Серёги) куда-то собирала дочку и та, вся расфуфыренная в пышном платье и бантах, торчала в дверях в образе злой принцессы лет шести. Мне достаточно было увидеть и услышать это маленькое чудовище совсем недавно единственный раз, чтобы составить мнение и ужаснуться. Некоторые матери, и бабушки тоже, совершенно безумны в любви к своим к детям. Зачем они называли её Каролиной? Они хотели вырастить королеву? Почему-то получилась маленькая дрянь с непомерным самомнение, почти со всеми разговаривающая с позиции превосходства и высокомерия, при этом трусоватая, подловатая, хитренькая, жестокая, склонная к истерике и валянию на ровной твёрдой поверхности с битием башкой об пол. Единственно, кого она боялась, была мать, так как, несмотря на сюсюканье, та тоже не отличалась терпением, легко впадала в ярость и могла быстро сбить спесь парой увесистых затрецин. Девочка один раз пыталась указать и мне, какая она здесь строгая и самодурная хозяйка, но я был тогда сильно не в духе и так же строго ей сказал:

– Девочка, иди отсюда!

Губы её скривились, голова треснула, сквозь щёлочку стали пробиваться звуки воздушной сирены, предвещающая прилёт тактических бомбардировщиков, на место событий, рокоча гусеницами, выползла тяжёлая богиня войны, замаскированная под женщину крупного калибра, но прежде, чем та успела полыхнуть пламенем, я сказал негромко и угрожающе:

– Идите отсюда! Обе! А то всю жопу отобью!

Моя реакция на ситуацию была более чем нестандартная, слова прозвучали очень убедительно, самоходная артиллерийская установка, злобно сверкнув прожекторами, отбыла на исходные позиции, утащив за собой на тропе подбитую танкетку. Девчонки, почуввав опасного противника, впредь меня на скандал не провоцировали. Я собрался было уходить, но Ксюха, верх практичности, помня, что я на машине, попросила отвезти их в кинотеатр. Мне не сложно – загружайтесь, дамы!

Стояли замечательные дни золотой осени – в маечке уже не походишь, но в двух, при наличии солнца, можно. Узнав, что до сеанса времени ещё предостаточно, я специально поехал по живописной объездной улице – зацените, девчонки, ох...хорошительно как! Прочувствуйте прелесть поры увядания, насладитесь поздним теплом и светом, пока всё не умерло под неизбежными снегом и льдом. По ходу движения я показал им два исторических здания, городскую баню с приват номерами – это я особенно подчеркнул, показал липовую, всю в золоте, аллею и из красивого кирпича новый дом местного отца святого. В этой милой улочке заключалась, пожалуй, вся суть провинциального городка. Помстилось, что они, несчастные, этого никогда не видели! Мне захотелось очаровать их ещё больше, добавив достопримечательностей – на выезде из города обратил внимание на могучую ель, красивый вид на реку, побритые поля вплоть до горизонта – и вот мы уже мчимся среди них, раздувая листву.

– Куда ты едешь? Нам не туда! – встревожилась Ксюха.

– Время ещё есть, здесь рядом. Покажу вам обалденно красивое место!

Женщина открыла рот для продолжения, но машинка резво ухнула в низину, со свистом прокатилась мимо редкого в здешних краях обнажения скальных пород и на подъёме юркнула в лес. Казалось, там и проезда нет, но за узкой полоской кустарника открылся вид на светлую рощицу. Колёса едва не достигли края круглой ямы, форма которой походила на воронку от небольшой авиабомбы. Рядом у большого костровища, обозначенного плотно составленными булыжниками, вокруг были расставлены несколько лавочек, намеренно грубо выполненные из брёвен бензопилой. Здесь преобладали негусто посаженные средней спелости дубы, ещё зелёные по этой поре. Сквозь них весело желтело убранное поле. С одной стороны площадка обрывалась почти отвесным склоном, с маниакальной причудливостью сложенным из известняковых пластин. Могло показаться, что у подножия должен шуметь горный поток, но внизу безмолвствовали лишь сухой каменистый распадок, асфальтовое полотно и памятный придорожный знак человеку, погибшему здесь когда-то. Место было действительно красивое, укромное, необычное. Неудивительно, что его сакральность заметили работники местного лесхоза и слегка облагородили для своих редких праздников. Я был участником одного из них и запомнил на всякий случай тонкости проникновения на территорию. Пригодилось раза два. Вот и в этот раз – девчонки, наслаждайтесь видом! Я заглушил мотор, вышел наружу, подошёл к краю неведомо как возникшей воронки. Раскинул руки – смотрите, как здесь красиво!

– Хнык, хнык, у-у-у... – донеслось из салона.

Младшая из женщин собиралась потечь. Старшая пока держалась, но на ошарашенной мордочке были написаны мрачные предчувствия. Непродвинутой публике уединенное тихое место, в котором они внезапно оказались, подозрительная яма неясного назначения, ритуальный очаг, возбуждённый непонятно от чего мужик показались очень неподходящим местом для культурного просвещения. Откуда в столь юном создании так много негативных ожиданий? Много на её роду было изнасилований, расчленённых трупов? Откуда в другой, далеко не пожилой, женщине такая бездна недоверия к противоположному полу? Слышала ли она о маркизе де Саде? Захер-Мазохе? Думаю, нет!

Я увидел их явный испуг. Не было его в моих намерениях. Красивая картинка была смазана. Тьфу, дуры безмозглые! Я раздражённо сел за руль, резко, но аккуратно развернулся, быстро выскочил на дорогу и вмиг домчал притихших куриц до дома, трах-тибидох два раза его, культуры. Они мигом выскочили, отряхнулись, как после акта спонтанной любви с петухом в курятнике, облегчённо вздохнули, разругались, разулыбались. В ответ на неловкость, дабы замаять инцидент, я погрузился в дебри куртуазного маньеризма.

– Сударыня! – возопил я почти на полном серьёзе. – Поцелуй в грудь, выглядел бы, на данном этапе развития отношений, необоснованным намёком на предложение интимной близости! Позвольте испробовать поцелуй в руку? Надеюсь, это невинное проявление чувств, подчеркнёт чистоту моих намерений!

– Чиво? – возмущённо спросила Ксюха. – Это чо, я должна целовать тебя в руку?!

– Ну, что вы, барышня!.. Ксюш, идите уже, никто никому ничего не должен! – обречённо, но с облегчением махнул рукой я.

История бы этим закончилась, но персонажи были неординарные, и судьба предоставила им ещё несколько секунд славы. Через некоторое время до меня дошли слухи, что обычный поход в кино, стал очень необыкновенным событием. Киномеханик, и так еле выживающий на грани закрытия показа искусства населению, из-за единственного утреннего зрителя хотел отменить сеанс, но тут раздался вой пока ещё детской сирены и постреливание холостыми из взрослой гаубицы. Легче было отсидеться семьдесят минут в блиндаже кинобудки, чем очищаться потом двое суток от последствий навозной бомбы. Через полчаса, когда немногочисленная публика в лице одной дурочки осознала, что никто больше не придёт и не оценит, как она звездит здесь в новом платье и роскошных бантах, раздалась всхлипывания, а затем громкий рёв. Мать ворвалась в зал и выволокла дочь прежде, чем та взорвалась истерикой. Механик закрыл будку, перекрестился и ушёл принять граммов триста успокоительного.